

Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений Блока с речью «О назначении поэта»)

© 2025, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о точной хронологии трех выступлений А. Блока со знаменитой речью «О назначении поэта» в феврале 1921 г. Показывается, что в научной литературе до сих пор существует разноречивая датировка этих событий (10, 11, 13, 14, 16, 21, 26 февраля), а также разнится их количество (3 или 4). На основе сопоставительного анализа различных сведений (в посмертных собраниях сочинений Блока, в дневниках, письмах, мемуарах современников) устанавливаются точные даты произнесения речи, а также выявляются три наиболее вероятных источника, спровоцировавших искажение фактов в дальнейших научных исследованиях. Согласно выдвигаемой гипотезе, к ним относятся дневниковая запись К.И. Чуковского, официальный отчет о Пушкинских днях в журнале «Вестник литературы» и заметка В.Ф. Ходасевича «К истории “Дней русской культуры”».

Ключевые слова: Блок, речь «О назначении поэта», Пушкинские дни, журнальный отчет, мемуары, дневники, Чуковский, Ходасевич, хронология.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений А. Блока с речью «О назначении поэта») // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 223–245. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245>

Проблема точной датировки создания произведений и фактов творческой биографии писателя нередко является предметом бурных дискуссий среди профессионалов, затрагивая различные стороны

текстологического, биографического и историко-культурного контекста¹. Но в теоретических, проблемно-тематических, компаративистских или любых других по задачам исследования датировка событий обычно присутствует в виде проходных замечаний или общепризнанных положений, не требующих доказательств. Парадокс заключается, однако, в том, что в различных работах подобные констатации далеко не всегда согласуются между собой. В результате складывается противоречивая и запутанная ситуация: одни и те же факты датируются по-разному, но на каких основаниях дается та или иная датировка, по умолчанию не обсуждается. На очередном этапе научной рефлексии, добросовестно учитывающей предшествующие версии, это может привести к вольному или невольному искажению картины, а в худшем случае даже к гипостазированию мнимых событий, к «преумножению сущностей» в духе *поручика Кижэ*.

Именно так, на наш взгляд, обстоит дело со знаменитой речью Александра Блока «О назначении поэта», законченной 11 февраля (29 января) 1921 г.² и впервые прочитанной в тот же день на торжественном собрании в Доме литераторов. Мероприятие широко освещалось в печати и отразилось в воспоминаниях многих его участников³. Сохранились именные пригласительные билеты⁴ и протоколы двух собраний. В первом из них зафиксированы решения предварительного совещания представителей литературных и культурно-просветительных организаций, состоявшееся 9 февраля 1921 г. для обсуждения вопросов об устройстве 11 февраля 1921 г. в Доме Литераторов торжественного собрания, посвященного памяти Пушкина. А именно, был утвержден день проведения мероприятия — 11 февраля; избраны председатель собрания (Н.А. Котляревский),

¹ См., например, показательную статью А.Л. Гришунина «Проблемы датировки произведений Пушкина» [8].

² Это авторская дата, стоящая в черном автографе (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 305); при подготовке рукописи к печати в авторизованной копии, сделанной рукой матери, А.А. Кублицкой-Пиотгух, Блок переставил местами числа по новому и старому стилю: «29 января (11 февраля) 1921 г.» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 89).

³ Мероприятие освещалось в печати [13, с. 26–27]; о нем оставили воспоминания Е.П. Казанович [23, с. 171–172]; Э. Голлербах [7, с. 292–293]; В.Ф. Ходасевич [26, т. 4, с. 82–84], А.И. Оношкович-Яцына [19, с. 400–403], Б.О. Харитон (Сегодня. 1926. № 173, 7 авг.) и др.

⁴ В архиве Блока отложилось типовое приглашение с вписанным от руки именем адресата: «Пригласительный билет на Торжественное Собрание, устраиваемое в Доме Литераторов при Наркомпросе петербургскими литературными учреждениями и организациями в 84-ю годовщину смерти А.С. Пушкина — 11 февраля (29 января по ст. ст.) 1921 года, и посвященного вопросу об организации ежегодного всероссийского чествования памяти поэта. Произнесут речи: А.А. Блок, почетный академик А.Ф. Кони, М.А. Кузмин (стихи), Ф.К. Сологуб» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 3). Такие же билеты получили многие, в частности, Н.А. Котляревский [23, с. 169], Кузмин [11, с. 404], Чуковский [31, с. 361], П. Витязев (Ф.И. Седенко) (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 3. Ед. хр. 4) и др.

члены президиума (А.Ф. Кони, представитель Отдела народного образования Михаил Федорович Кристи⁵, А.А. Ахматова, А.А. Блок, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин, Б.Л. Модзалевский, И.И. Садофьев, Ф.К. Сологуб⁶, В.Ф. Ходасевич и П.А. Щеголев); секретари (П.К. Губер и Б.И. Харитон) (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 107). Второй документ — протокол самого торжественного заседания 11 февраля, однако, строго говоря, он не дает полного представления о реальном положении вещей. В нем воспроизведены выступления официальных лиц: К.А. Федина от Госиздата, И.С. Книжника от Петроградского Пролеткульта, А.Л. Волынского от издательства «Всемирная литература», А.Г. Фомина от Института книговедения, А.Е. Кауфмана от Общества взаимопомощи литераторов и ученых, М.П. Кристи от Отдела народного образования Петросовета. Сюда же приложены речи А.Ф. Кони и Н.А. Котляревского (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 108), но речи Блока, как и стихотворения Кузмина, здесь нет⁷.

Тем не менее из воспоминаний участников закрытого заседания в Доме литераторов совершенно отчетливо следует, что оно состояло из трех отделений. В первом прозвучали перечисленные в протоколе выступления официальных представителей литературных организаций Петрограда. Итогом этой части стало принятие Декларации о ежегодном чествовании Пушкина в день его смерти на всероссийском празднике памяти поэта. Во втором отделении — вступительное слово А. Кони, заключительное слово Н.А. Котляревского, стихотворение М.А. Кузмина «Пушкин» и речь Блока «О назначении поэта». После перерыва в третьем — был концерт (романсы и сцена «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан). Речи Блока, Кони, стихотворение Кузмина и заключительное слово Котляревского впервые были опубликованы в журнале «Вестник литературы» (1921. № 3 (27)) в отделе «Летопись Дома литераторов».

Затем Блок дважды повторил выступление, о чем сообщал в письме к Н.А. Нолле-Коган от 2 марта 1921 г.: «Я трижды читал речь о Пушкине для Дома Литераторов — будет в их Пушкинском сборнике и, может быть, в “Вестнике литературы”» [14, т. 2, с. 350]. В хронологическом указателе произведений «Список моих работ» за 1921 г. он также отметил: «О назначении поэта. Речь, произнес[<]енная> на торж[<]ественном> засед[<]ании> в 84-ую годовщ[<]ину> Пушкина,

⁵ Должность напечатана, для ФИО оставлено место, позднее заполненное карандашом.

⁶ Вставка чернилами.

⁷ Текст речи Блока, очевидно, был возвращен его наследникам, см. примеч. 2.

дважды повторенная (там и в университ<ете> — химич<еский> дворец. Февраль. Бел<овая>, печ<атная> из журн<ала>» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 21, 46).

Неуказанные даты повторного прочтения породили в дальнейшем их различные варианты. Но и первая, самая, казалось бы, бесспорная дата также попала под сомнение, о чем свидетельствуют разноречивые комментарии к статье «О назначении поэта» в посмертных собраниях сочинений Блока. Так, в кратком примечании к тексту в берлинском собрании сочинений (1923) день произнесения речи не указывается, дается лишь ссылка на ее первую публикацию в журнале «Вестник литературы», что подразумевает 11 февраля [2, с. 347]. В восьмом томе собрания сочинений в 12 т., вышедшем в «Издательстве писателей в Ленинграде» (1932–1936), сообщается: «...речь, читанная 10 февраля (29 января) на торжественном собрании в день 84-й годовщины смерти Пушкина в Доме литераторов (Петербург) и повторенная дважды — там же и в Петербургском университете» [3, с. 271]⁸. В шестом томе собрания сочинений в 8 т. (1962) утверждается, что речь «была прочитана Блоком 13 февраля 1921 г. на вечере в Доме литераторов, посвященном 84-й годовщине со дня смерти Пушкина; чтение было повторено там же (26 февраля) и в Петроградском университете» [4, с. 515]. Эта же информация (с отсутствующей датой третьего выступления) воспроизводится в четвертом томе собрания сочинений в 6 т., вышедшем в 1982 г., с отсылкой к предыдущему изданию [5, с. 458].

Картина станет еще более зыбкой, если присоединить к ней примеры из научной литературы последних десятилетий. В содержательной статье З.Г. Минц «Блок и Пушкин» (впервые 1973 г.) попутно отмечено, что «Речь» была прочитана «Блоком трижды — 11, 13 и 16 февраля 1921 г.» [16, с. 255]. Эти же даты фигурируют в более поздних работах А.Е. Парниса [20, с. 159–160] и Е.В. Ивановой [9, с. 126]. В статье Н.В. Лощинской «Александр Блок и Пушкинский Дом» указаны 11, 13 и 26 февраля [23, с. 24]. А в публикации А. Устинова и В. Сажина — 11, 21 и 26 февраля [25, с. 95]. Возможно, встречаются и другие, не учтенные нами варианты, но и выявленных более чем достаточно: для трех выступлений Блока мы имеем как минимум семь вероятных дат: 10, 11, 13, 14, 16, 21, 26 февраля. Но и это еще не все. В фундаментальном коллективном труде «Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография» (под ред. А.Ю. Галушкина) выступление Блока

⁸ Этот том, как и все остальные, вышел уже под ред. В.Н. Орлова, первые семь томов — под ред. Иванова-Разумника при участии Д.М. Пинеса.

с пушкинской речью документируется уже четыре раза — 11, 13, 14, 26 февраля [13, с. 26–27, 29, 30, 35]. Наконец, такие авторитетные ученые, как Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад, также допускали, что Блок мог выступить четырежды: «По поводу восемьдесят четвертой годовщины со дня смерти Пушкина в Доме литераторов 11 февраля 1921 года состоялось торжественное собрание (повторенное 13, 14 и 26 февраля), запечатленное во многих мемуарах, наиболее, как представляется, верно и точно — в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича “Тумилев и Блок”» [6, с. 403]. К описаниям событий в версии Ходасевича мы еще не раз вернемся, а пока еще раз очертим наше проблемное поле.

До сих пор остается неясным, сколько раз Блок выступал с речью о «Назначении поэта» — три или четыре. В какие именно дни из вышеперечисленных это происходило? Что могло повлиять на неустойчивость датировки даже первого публичного прочтения, которое произвело на большинство очевидцев потрясающее впечатление и при этом подтверждается многими свидетельствами? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить, оставляя в стороне все содержательные аспекты блоковского выступления.

* * *

Для упрощения задачи начнем с известного приема исключения лишнего. Из семи обозначенных дат на удаление из списка претендуют прежде всего три — 10, 16 и 21 февраля. В первом случае очевидна ошибка датировки, связанная с календарной реформой, проведенной зимой 1918 г., когда после 31 января последовало сразу 14 февраля, т. е. для правильного времяисчисления необходимо было прибавлять к каждому соответствующему сроку 13 дней. В связи с этим день поминок по Пушкину ошибочно был назначен на 11 февраля (29 января по ст. ст.) 1921 г. Погрешность заключалась в том, что пересчет времени, учитывающий расхождение между юлианским и григорианским календарями, различается по отдельным столетиям: к примеру, в XVIII в. эта разница составляла 11 суток, в XIX в. — 12, а в XX–XXI вв. — 13 [10, с. 308–309]. В силу этого день рождения Пушкина (26 мая 1799 г.) выпадает по новому стилю на 6 июня (плюс 11 суток), а день смерти — на 10 февраля (плюс 12 дней). Сейчас это общеизвестно, но в послереволюционные годы существовала изрядная путаница. Тем не менее вряд ли можно признать удачным решение «исправить» дату выступления Блока на торжественном собрании в Доме литераторов на 10 февраля, как это было сделано в 12-титомном собрании сочинений. Фактически

мероприятие состоялось 11 февраля 1921 г., никак не раньше⁹. Что касается ничем не мотивированных дат 16 и 21 февраля, то по поводу первой из них, встречающейся как минимум у трех авторитетных исследователей, можно предположить, что в статью З.Г. Минц вкралась опечатка (вместо 26-го — 16-е), которая, по-видимому, была воспроизведена в последующих работах. О второй, имеющей эксклюзивный характер, не беремся даже гадать.

В дневнике М. Кузмина, трижды выступавшего вместе с Блоком, отмечены следующие даты: «11 (пятница)», «15 (понед.)» (ошибочно — в понедельник было 14-е) и 26-е [11, с. 444–445, 448]. В мемуарах Ходасевича указаны и подробно описаны два Пушкинских вечера: 11 и 26 февраля:

Первый вечер состоялся 11 февраля 1921 года. Предстояли речи А.Ф. Кони, Н.А. Котляревского, Блока и моя. Кузмин должен был читать стихи. Я был болен, не успел подготовить речь к сроку и отказался выступить, но пошел на вечер. <...> Вечер был повторен три раза. Я наконец написал свою речь («Колеблемый треножник») и читал ее. «За кулисами», в ожидании своей очереди, мы с Блоком беседовали. В сущности, только в те вечера мы с ним говорили более или менее наедине. В последний раз (это было в здании Университета) так вышло, что в какой-то пустынной комнате, за холодным клеенчатым столом, просидели мы часа полтора. <...> В тот вечер, 26 февраля, он был печальнее, чем когда-либо [27, т. 4, с. 83, 85].

Выражение «вечер был повторен три раза» довольно неоднозначно. Его можно понять и как «всего три раза», и как (суммарно) четыре, включая торжественное заседание. В отличие от цитируемых воспоминаний, впервые появившихся спустя пять лет после описанных событий (День. 1926. 1, 7 авг.), в письме к В.Г. Лидину от 28 февраля 1921 г. Ходасевич излагал события более подробно, но по-прежнему не называл дату Пушкинского вечера, на котором он впервые выступил со своим докладом:

Дом Литераторов задумал вести агитацию за превращение дня смерти Пушкина в день национального празднования. Составили комиссию. 11 февр<аля> (надо бы 10-го) было торжественное заседание с представителями ученых и литер<атурных> организаций, а также правительства. Потом был Пушкинский вечер. Говорили:

⁹ Подобную «корректировку» событий предпринял К. Мочульский в книге «Александр Блок»: приводя воспоминания Э. Голлербаха о торжественном заседании в Доме литераторов, он исправил в исходной цитате 11 февраля на 10-е [17, с. 434–435].

Блок, я и Эйхенбаум (уныло). Кузмин прочитал стихи. <...> 26-го повторяли вечер в Университете, завтра — опять в «Д<оме> Л<итераторов>». Мне это наскучило, хоть я и заработал около ста тысяч [21, с. 422–423].

В примечании к публикации сказано: «На торжественном Пушкинском вечере 11 февраля 1921 Ходасевич не присутствовал: был болен. Впервые прочел свою речь 14 февраля в Доме литераторов» [21, с. 424]. Здесь есть только одна неточность: Ходасевич, как мы знаем, был на торжественном собрании, однако не выступал. Отметим попутно, что сообщение о «завтрашнем» выступлении, т. е. о вечере 1 марта, по-видимому, не соответствует действительности: заключительный Пушкинский вечер планировался на 5 марта (см. ниже).

Первые две даты весоמו подтверждаются письмами матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух. 16 февраля 1921 г. она сообщает М.П. Ивановой:

Как мне было приятно Ваше письмо! И, знаете, Вы писали его в день смерти Пушкина — 29 января по ст<арому> стилю! В этот день за Сашей прислали санки и лошадь из Дома литераторов, где с нынешнего года положено справлять ежегодные поминки в этот день, и Саша поехал прочесть там свою речь о Пушкине. А в понедельник было повторение для публики, и Саша взял меня с собой опять-таки на саях, конечно. Не скажу, чтобы хорошее было торжество <...> но Сашина речь хороша <...> [14, кн. 3, с. 519].

Впечатления от второго вечера Александра Андреевна подробно описала в письме к сестре, М.А. Бекетовой, от 3 февраля (по ст. ст.):

Была я на повторении Пушкинского торжества. Происходило это на Бассейной, в Доме Литераторов. <...> впечатление у меня осталось тяжелое. Торжества не вышло. Сашина речь хороша. И недурная — Ходасевича. Но Эйхенбаум наплел вздора и, по-моему, развенчал Пушкина. <...> Закрытое первое заседание (по словам Саши) было торжественнее. И Сашина речь там имела огромный успех. Здесь же публика ужасная, и густая атмосфера кадетства [1, с. 161].

На этом же вечере, 14 февраля, присутствовала М. Шагинян, оценившая выступление Ходасевича намного выше, чем Блока, и записавшая в дневнике, что поэт «повторил ту свою речь, с которой

он выступил на торжественном заседании» [32, с. 503]. Добавим к этому, что при публикации материалов Пушкинских торжеств в сборнике «Пушкин. Достоевский» (Пг.: Издание Дома Литераторов, 1921) в предисловии указываются те же самые дни проведения Пушкинского вечера — 11 и 14 февраля [22, с. 3–4].

Таким образом, хронология выступлений Блока с речью «О назначении поэта» включает три несомненные даты — 11, 14 и 26 февраля. Откуда же в научных работах появилось лишнее число (13-е)? Почему оно оказалось настолько правдоподобным, что попало наравне с реальными фактами в хронику литературного процесса Москвы и Петрограда послереволюционного времени? Почему, в конце концов, с ним иногда прямо связывают первое, апофеозное, прочтение речи Блоком?¹⁰

* * *

Для ответа на эти вопросы обратимся прежде всего к тематическому сайту «Пушкинские дни» (<https://pushkindays.tilda.ws/memories>). Здесь на основе воспоминаний, дневников и писем современников выстроена репрезентативная хронологическая канва событий, включающая уже известные нам три даты: 11 февраля 1921 г. — «Первый вечер», включая торжественное собрание памяти Пушкина в Доме литераторов; 14 февраля — «Второй вечер», там же; 26-го — «Третий вечер», в Университете на Васильевском острове. Избыточным, стало быть, признается все то же 13-е, с чем нельзя не согласиться. Обращают на себя внимание лишь два момента. Во-первых, все заковыченные названия не вполне точно отражают официальную программу Пушкинских торжеств, о чем речь пойдет ниже. Во-вторых, в двух публикуемых на сайте материалах, относящихся непосредственно к описанию торжественного заседания, все-таки фигурирует 13-ое — в дневнике К.И. Чуковского и в поздних воспоминаниях И.В. Одоевцевой. Во втором случае разработчики проекта резонно вносят уточняющую поправку¹¹, а в первом, как ни странно, — нет, и никаких разъяснений по этому поводу не дают.

¹⁰ Помимо двух собраний сочинений, указанных выше, ср. также аналогичное утверждение Д.М. Магомедовой: «Блока не стало через пять месяцев после произнесения этой речи в Доме литераторов (13 февраля 1921 г.) по случаю 84-й годовщины со дня смерти Пушкина» [15, с. 59]; такая же датировка дается в примечании к словам А.М. Ремизова, обращенным к Блоку: «Февральские поминки Пушкина — это ваш апофеоз» [14, кн. 2, с. 134; 141].

¹¹ Приводим цитату Одоевцевой с указанной поправкой (в квадратных скобках): «И ничто не помешало его <Гумилева> триумфальному появлению во фраке 13 февраля [на самом деле 11] 1921 года на “Торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина”» [18, с. 431].

На этой записи Чуковского стоит остановиться подробнее:

Только что в 1 час ночи вернулся с Пушкинского празднества в Доме Литераторов. Собрание историческое. Стол — за столом Кузмин, Ахматова, Ходасевич, Кристи, Кони, Александр Блок, Котляревский, Щеголев и Илья Садофьев (из Пролеткульта). Должен был быть Кузьмин из Наробраза, но его не было. Жаль, за столом не сидел Ал. Ремизов. Пригласили и меня, но я отказался. Впрочем, меня пригласили в задний ряд, где сидели: Волынский, Губер, Волковыский и др. Речь Кони (в котором я почему-то разочаровался) — внутренне равнодушна и внешня. За дешевыми ораторскими фразами чувствовалась пустота. Стишки М. Кузмина, прошепелявленные не без ужимки, — стихи на случай — очень обыкновенные. После Кузмина — Блок. Он в белой фуфайке и в пиджаке. Сидел за столом неподвижно. (Еще до начала спрашивал: — Будет ли Ионов? И вообще из официальных кругов?) Пошел к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать о том, что Бенкендорф не душил вдохновенья поэта, как душат его теперешние чиновники, что Пушкин мог творить, а нам (поэтам) теперь — смерть. Сказано это было так прикровенно, что некоторые не поняли. Садофьев, напр., аплодировал. Но большинство поняло и аплодировало долго. После в артистической — трясущая головой Марья Валентиновна Ватсон, фанатичка антибольшевизма, долго благодарила его, утверждая, что он «загладил» свои «Двенадцать». Кристи сказал: «Вот не думал, что Блок, написавший “Двенадцать”, делает такой выпад». Волынский говорил: «Это глубокая вещь» [30, т. 11, с. 320].

Упоминание в составе президиума М.П. Кристи, уполномоченного Наркомпроса и заведующего высшими учебными заведениями Петрограда, однозначно идентифицирует описываемый вечер с торжественным собранием 11 февраля, на которое были приглашены официальные лица. На повторных Пушкинских вечерах их не было. Ходасевич, давая характеристику «вдохновенному слову» Блока о Пушкине, особо отметил, что поэт во время произнесения речи «иногда поворачивал голову в сторону Кристи и отчеканивал: “Чиновники суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня... Пускай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение...” Бедный Кристи приметно страдал, ерзя на своем стуле. Мне передавали, что перед уходом, надевая пальто в передней, он сказал громко:

— Не ожидал я от Блока такой бестактности» [27, т. 4, с. 84].

По мнению О.А. Лекманова, также обратившего внимание на этот инцидент, «презрительный жест Блока был спровоцирован ситуационной ситуацией, имевшей не такое уж прямое отношение к тексту его речи. Нимало не годившийся на роль нового Бенкендорфа М. Кристи, что называется, подвернулся поэту под руку и случайно поспособствовал многократному усилению обличительного эффекта блоковского монолога о Пушкине» [12, с. 146]. В целом с этим можно согласиться, но с одним уточнением. Блок не случайно спрашивал перед началом собрания, будет ли Ионов. О затяжном конфликте поэта с руководителем Петроградского Отделения Государственного издательства, обострение которого пришлось на январь и февраль 1921 г., хорошо известно. Дело было не только в том, что И.И. Ионов грозился рассыпать набор третьего тома стихотворений Блока, если тот откажется печатать его под маркой Госиздата, а выпустит его в частном издательстве С.М. Алянского «Алконост». На тот момент резко обострилась проблема существования частных издательств как таковых, в связи с чем 2 февраля в дневнике Блока появились две черновые записи — «Закрытие всех частных издательств...» и «Издательство “Алконост”»¹². Непосредственно после этих заметок следуют дневниковые размышления Блока о Пушкине, легшие в основу его речи «О назначении поэта». Значит, протест против политики Госиздата и трагический пафос речи Блока, обличение чиновничьей черни, смеющей отнимать у поэта свободу, глубоко взаимосвязаны. Согласно подписным листам торжественного собрания памяти Пушкина 11 февраля, Ионов был среди публики¹³. Если Блок об этом знал (не зря же он интересовался этим вопросом), то его презрение имело конкретного адресата, субститутом которого действительно оказался подвернувшийся под руку Кристи, «человек пожилой, мягкий, благожелательный» [27, т. 4, с. 83]. Голлербах вспоминал, что после выступления, когда ему устроили овации, Блок «смотрел куда-то в глубину зала пристально, холодно, не кланяясь, ничем не отвечая на шумные знаки одобрения» [7, с. 293].

Все приведенные доводы говорят в пользу того, что Чуковский назвал «собранием историческим» именно торжественное заседание в Доме литераторов; его подпись, кстати, значится в списках. Почему же он датировал свою запись 13 февраля, внося тем самым

¹² См. подробнее работу М.Л. Спивак с новой атрибуцией текстов и исчерпывающей литературой по теме: [24].

¹³ См. расшифровки подписей на сайте «Пушкинские дни», где под номером 35 стоит Ионов (Бернштейн) Илья Ионович: URL: <https://pushkindays.tilda.ws/participants> (дата обращения: 01.12.2024).

существенную путаницу в хронологию блоковских выступлений? Что это именно так, прослеживается очень хорошо. Впервые приводя этот текст в подборке материалов «Блок в архиве Чуковского», Е.Ц. Чуковская прокомментировала его следующим образом: «Чуковский описывает второе выступление Блока в Доме литераторов. Первый раз Блок выступил там же с этой же речью 11 февраля» [14, кн. 2, с. 267]. При повторных публикациях это примечание было снято, вероятно, как сомнительное, осталась только ссылка на сам текст в составе шестого тома собрания сочинений под ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского [29, с. 490; 30, т. 11, с. 543]. Но в указанном издании заявляется, как мы знаем, что Блок впервые прочитал Пушкинскую речь 13 февраля. Круг замкнулся, но логические неувязки, разумеется, остались неразрешенными. Тонкость ситуации заключается в том, что послереволюционный дневник Чуковского — особенно в той его части, которая посвящена Блоку, — заслуженно считается ценным и авторитетным источником. Что же произошло на это раз? Ведь очевидно, что приведенная выше запись Чуковского датирована неверно и, надо думать, без всякого злого умысла. Попробуем разобраться.

Чуковский записывает в 1 час ночи, т. е. это уже следующее число после описываемых событий. Если запись делалась под впечатлением от торжественного заседания 11 февраля, то по логике вещей она должна датироваться 12-м; если же по следам Пушкинского вечера 13 февраля — 14-м. Ни того, ни другого не произошло. Не значит ли это, что в момент записи Чуковский находился в возбужденном состоянии, когда легко ошибиться? На такую версию наталкивает сам интересующий нас текст. Прочитанный выше фрагмент — это только первая его часть. Вторая же, менее детальная, но несравненно более эмоциональная, относится уже к другой истории:

Потом заседание «Всероссийского Союза Писателей» — о моем письме по поводу Уэльса. Спасибо всем. Каждый сочувствовал мне и хотел меня защитить. Очень горячо говорил Шкловский, Губер, Гумилев. Я и не ожидал, что люди вообще могут так горячо отозваться на чужую обиду. Губер живо составил текст постановления, и я ушел с заседания в восторге. От восторга я пошел проводить Мишу Слонимского, Шкловского, Оцуа — вернулся домой и почти не спал [30, т. 11, с. 320–321].

«Потом» — это сразу же после Пушкинского вечера. В дневнике А.И. Оношкович-Яцыны его описание заканчивается фразой: после

концерта «все остаются на заседание по поводу того, что в заграничной печати Чуковского обозвали “большевицким агентом”» [19, с. 403]. Более подробно этот эпизод представлен в воспоминаниях Голлербаха:

После концертного отделения, когда публика начала расходиться по домам, в гобеленовой комнате Дома Литераторов состоялось, по инициативе Чуковского, экстренное собрание союза писателей. Рассказываю об этом опять-таки потому, что мне вспоминалось тогдашнее настроение Блока. <...> Собрание выслушало длинную и обстоятельную жалобу К.И. Чуковского на Герберта Уэльса, смертельно обидевшего бедного К.И. каким-то не очень почтительным отзывом. Чуковский убедительно раскрыл перед нами чудовищное злодейство Уэльса. Припоминаю, что все это дело не стоило выеденного яйца, но не даром же Чуковскому отпущено столько остроумия и красноречия: он произвел «потрясающее впечатление». Начался настоящий диспут. Один только Блок сидел молча, раскрыв перед собою тетрадь, по которой читал речь. Вся его поза, понурая и скупающая, как бы говорила: «как все это не нужно, не важно и просто глупо!» Наметили какую-то резолюцию в защиту смертельно обиженного Чуковского. «А.А., как ваше мнение?» обратился кто-то к Блоку. «Да, да», отозвался он машинально. — «Может быть, вам угодно высказать свое мнение. Хотелось бы обсудить всесторонне». «Не знаю, право, вот, может, быть, Николай Степанович выскажется». Николай Степанович высказался подробно и вразумительно, а Блок так и не сообщил своего мнения [7, с. 293–294].

Суть разбираемой «обстоятельной жалобы» была связана с высказыванием Г. Уэллса в книге «Россия во мгле», написанной по следам посещения России в 1920 г., в ходе которого он вместе с Чуковским побывал в Тенишевском училище и был поражен тем, что учащиеся знали не только его имя, но и все его произведения. В другой школе, куда засомневавшийся писатель отправился вне программы, картина оказалась прямо противоположной. Из этого он сделал вывод: «...мой литературный друг, критик г. Чуковский, горячо желая показать мне, как меня любят в России, подготовил эту невинную инсценировку, слегка позабыв о всей серьезности моей миссии». Обиду Чуковский запомнил на всю жизнь; приведенная фраза цитируется по его поздней статье «Фантазмагория Герберта Уэллса» (1964) [30, т. 4, с. 574–577]. Из самого же письма, обсуждавшегося на экстренном заседании правления Всероссийского профессионального союза писателей и опубликованного вскоре под

названием «Свобода клеветы», понятно, что именно «произвело “потрясающее впечатление”» на участников диспута. Уэллс не подозревал, доказывал «обиженный», что на основе его «благодарного рассказа» в русских заграничных газетах начнется травля Чуковского как «большевистского агента». «Оказывается, по русским газетам, издающимся в Париже, Берлине и Праге, давно уже гуляет эта ложь. Клеветники, недосыгаемые ни для суда, ни для пощечины, изображают меня *агентом* правительства. Остановить их клевету я бессилён. Они за границей, а я в Петербурге. <...> Единственная моя надежда — на Всеросс. Союз писателей. Мне кажется, что Всеросс. Союз <...> найдет возможным защитить своего члена от наших заграничных друзей, которые свободу печати понимают как свободу клеветы» (Вестник литературы. 1921. № 2. С. 16). После статьи напечатано постановление правления, выражающее «свое сочувствие К.И. Чуковскому, грубо, незаслуженно оскорбленному», и расценивающее это оскорбление как жест против «той группы русских писателей, которые остались в России и продолжают заниматься литературным трудом».

В апреле 1921 г. краткое оповещение об «обиде» Чуковского и постановление правления в его поддержку должны были появиться в первом номере «Литературной газеты», которая так и не вышла [25, с. 108]. Зато в ее уцелевшем корректурном экземпляре в разделе «Хроника в России», куда планировались эти сведения, имелись важные для нашей темы данные, подготовленные скорее всего самим Чуковским; вместе с А.Л. Волынским он был редактором газеты (см. запись в дневнике от 25 мая 1921 г. о том, что ему пришлось одному держать корректуру номера [30, т. 11, с. 341–342]). Во-первых, здесь сообщалось, что литературная коллегия готовит к выпуску «Пушкинский сборник», в «который войдут материалы, прочитанные на объединенном собрании представителей литературных организаций и культурно-просветительных учреждений в “Доме Литераторов”, в день смерти А.С. Пушкина 11-го февраля 1921 года». А во-вторых, после освещения инцидента с Уэллсом черным по белому было напечатано: «11 февраля 1921 г. Правление Всероссийского Союза Писателей посвятило этому вопросу экстренное заседание и постановило... etc.» [30, т. 11, с. 341–342]. Таким образом, не остается ни малейшего сомнения в том, что два мероприятия состоялись в один день. Соответственно дневниковая запись Чуковского, где две разные истории, несоизмеримость которых иронически подчеркнул Голлербах, парадоксально сопологаются, не отделяясь даже абзацным отступом, должна датироваться не позднее 12 февраля.

Вывод напрашивается сам собой. Вероятнее всего, Чуковский в 1 ч. ночи, восторженно-взбудораженный экстренным заседанием правления, случайно написал «13». Он просто ошибся. Но репутация признанного летописца эпохи, особенно последних лет жизни Блока, не допускает самой возможности подобной описки. В силу этой презумпции его датировка «события исторического» сыграла свою роль в дальнейшем искажении хронологии произнесения блоковской речи.

Итак, один ответ на вопрос, откуда 13-е, мы нашли, но он не единственный.

* * *

Обратимся к уже упоминавшемуся коллективному труду «Литературная жизнь России 1920-х годов», наиболее подробно документирующему хронику событий с опорой на почти все известные на момент создания книги источники. Напомним, что в этом издании обозначены не три, а четыре выступления Блока с речью о Пушкине — 11, 13, 14, 26 февраля. На основании всего вышеизложенного особое внимание вызывает, само собой, вторая из перечисленных дат. Приведем эту позицию полностью, выделив курсивом — для наглядности — сомнительные моменты:

Февр., 13; Петроград

Пушкинский вечер в Доме литераторов. В президиуме — М. Кузмин, А. Ахматова, В. Ходасевич, М. Кристи, А. Кони, Н. Котляревский, П. Щеголев, И. Садофьев, А. Волынский, П. Губер, Н. Волковыский и К. Чуковский.

Выступают Б. Харитон (вступ. слово), А. Блок («О назначении поэта», текст: ВЛ. № 3), М. Кузмин (стих. «Пушкин»), В. Ходасевич («Колеблемый треножник», текст: ВЛ. № 4/5, с *ошиб. датой*) и Б. Эйхенбаум («Поэтические приемы Пушкина»). Тексты некоторых выступлений см. также: Пушкин. Достоевский. Пб., 1921.

Из дневника К. Чуковского (о выступлении А. Блока): «Сказано это было так прикровенно, что некоторые не поняли. Садофьев, напр., аплодировал. Но большинство поняло и аплодировало долго» (Чуковский К.—1. С. 158). Ср.: *Телетова Н.К., 1993. С. 402–403 (дневник А. Оношкович-Яцыны).*

*ВЛ. № 3. С. 18 (с *ошиб. датой*); Чуковский К.—1. С. 158; Блок А.—6. С. 515; Ходасевич В.—4. С. 427; ЛН—92 (3). С. 519 [13, с. 29].*

Как видим, перечисление членов президиума почти полностью совпадает с записью Чуковского от 13 февраля, за двумя обескура-

живающими исключениями: здесь нет Блока, зато есть Чуковский (вопреки замечанию последнего о том, что его пригласили в задний ряд, но он отказался). Наличие в списке Кристи, официального представителя Наркомпроса, как уже говорилось, — это своего рода маркер закрытого торжественного собрания 11 февраля. Но самое главное — на Пушкинских вечерах для широкой публики вообще не было президиума, все выступающие выходили на сцену в соответствии с программой; ср. слова Ходасевича о том, что на всех повторных вечерах «“за кулисами”, в ожидании своей очереди», они с Блоком беседовали (см. выше).

Второй абзац этого текста скомпилирован из отчета «Пушкинские дни в Доме Литераторов» и библиографических источников. Обращает на себя внимание помета «с ошибочной датой», повторенная дважды. В первом случае составители сочли ошибочным указание редакторов при первой публикации «Колелемого треножника» Ходасевича: «Речь на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г.» (Вестник литературы. № 4–5 (28–29). С. 18). Но это была как раз верная информация.

А вот по меньшей мере необоснованным приемом оказывается, к сожалению, привлечение четырех из шести названных источников, в которых нет упоминания 13 февраля, а в первых двух случаях совершенно явно речь идет о других числах: в дневнике Оношковиц-Яцыны описывается вечер 11 февраля (пятница); в письмах матери Блока (*ЛН-92 (3). С. 519*) — пятница (11-е) и понедельник (14-е). Ссылка на собрание сочинений Ходасевича также нерелевантна, т. к. на указанной странице в недатированном письме к В.Г. Лидину сказано лишь следующее: «Недели 2 тому назад читал в “Доме Литераторов” лекцию о смысле и задачах пушкинизма»; а письмо от 28 февраля 1921 г., которое мы цитировали выше и которое четко обозначает только две даты — 11 и 26 февраля, в первом случае совпадая с описанием торжественного заседания с другими участниками (в том числе с Чуковским), в этом издании не приводится. Отдельного разговора заслуживает источник «*ВЛ. № 3. С. 18 (с ошиб. датой)*», который отсылает к отчету «Пушкинские дни в Доме Литераторов» в журнале «Вестник литературы», где была обнародована такая информация:

В феврале в Доме литераторов (на Бассейной) состоялись:
9-го — сообщение П. Е. Щеголева «Дуэль Пушкина»; **11-го** — Торжественное Собрание; **13-го** — 1-ый Пушкинский вечер (Б.И. Харитон — Вступительное слово, А.А. Блок — О назначении

поэта; М. Кузмин — стих. «Пушкин»; В.Ф. Ходасевич — «Колелый треножник»; Б.М. Эйхенбаум — «Поэтические приемы Пушкина»; **14-го** — камерный концерт «Пушкин и музыка» (вступ. слово Е.М. Браудо, романсы и сцена «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан и М.А. Бихтера (рояль)). На Васильевском острове: **26-го** — Пушкинский вечер (Н.М. Волковоский — вступительное слово, А.А. Блок, М.А. Кузмин, В.Ф. Ходасевич, Б.М. Эйхенбаум и Ф.К. Сологуб «Смерть Пушкина и русская интеллигенция».

На воскресенье 5-го марта был назначен 2-й Пушкинский вечер, с участием Сологуба (с тем же докладом), Н.С. Гумилева («Современность в поэзии Пушкина»), Н.О. Лернера («Один из забытых рассказов Пушкина»), И.К. Губера («Пушкин и русская культура»), но «вечер этот был отложен вследствие запрещения зрелищ и собраний во время осадного положения».

Во второй части отчета дается краткое описание торжественного собрания представителей литературных организаций в день смерти Пушкина (11 февраля): названы 24 организации; общее количество участников — «250 деятелей литературы, науки и искусства»; уже известный нам состав президиума (с добавлением Б.Л. Модзалевского и Ф. Сологуба, о которых, заметим, не упомянул ни один мемуарист). Заканчивается заметка сообщением, что «после Торжественного Собрания артистка М.И. Бриан исполняла сцену письма из оперы “Евгений Онегин”». Показательно, что здесь ни слова не сказано о блоковской речи (как и о стихотворении Кузмина), а в первой части отчета — они привязаны к 1-му Пушкинскому вечеру (13 февраля).

Не вполне понятно, какую из названных дат современные исследователи посчитали ошибочной, поскольку в хронике присутствуют все указанные дни (включая «предварительное» собрание 9 февраля, правда, без указания на сообщение Щеголева [13, с. 25]). Но исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что, столкнувшись с загадочным 13 февраля, составители, пытаясь обобщить разноречивые факты и не сумев свести концы с концами, вынуждены были гипостазировать мнимую дату, опираясь на официальный отчет в «Вестнике литературы», дневник Чуковского и комментарий в шестом томе «орловского» собрания сочинений Блока, где это мифическое число имеет значительный вес. Между тем названный отчет противоречит не только подавляющему большинству воспоминаний очевидцев, но и другим печатным источникам, в частности, обзору «Дом литераторов», опубликованному в журнале «Дом искусства»

(1921. № 2. С. 121), где указаны две даты Пушкинских вечеров — 11-е и 14-е. В «Литературной жизни России 1920-х годов» ссылка на этот источник правомерно приводится в описании события 14 февраля, однако представлено оно, довольно неожиданно, как «Пушкинский вечер в Доме искусств» [13, с. 30], что, разумеется, неверно. Кроме того, оно оказывается третьим по общему счету в хронике Пушкинских дней, вопреки тому, что в обзоре указаны только две даты.

В чем же дело? На наш взгляд, опубликованный в «Вестнике литературы» отчет, информирующий о пяти мероприятиях, представляет собой не фактическую, а изначально запланированную программу «Пушкинских поминок», в которую входили торжественное заседание в Доме литераторов, два Пушкинских вечера (их повторение предполагалось там же и в Университете, с разным составом участников) и камерный концерт¹⁴. В реальности же, как мы знаем, торжественное собрание 11 февраля, помимо официальной части, включало и выступление Кони, Котляревского, Блока и Кузмина, а также концертное отделение. О сцене «Письмо Татьяны» в исполнении М.И. Бриан вспоминали многие участники объединенного заседания литераторов, посвященного 84-й годовщине смерти Пушкина. Согласно рассмотренной дневниковой записи Чуковского, певицу он назвал «акушкой», а Блок в ответ оживленно согласился: «да, да, акушка, верно! — и даже благодарно посмотрел» на автора остроты [30, т. 11, с. 320]. 14 февраля прошел 1-й Пушкинский вечер, который открыл вступительным словом Харитон, Ходасевич и Эйхенбаум впервые прочитали свои доклады, а Блок и Кузмин повторили свои выступления. Состоялся ли отдельно концерт «Пушкин и музыка», трудно сказать, но совершенно точно, что это было не в понедельник, 14-го. Бесспорным является 26 февраля, поскольку оно подкрепляется уникальными воспоминаниями Ходасевича о разговоре с Блоком «за кулисами» сначала о Пушкине, а затем о символизме.

Предположение о том, что в журнальном обзоре была опубликована программа Пушкинских дней *de jure*, а не *de facto*, подтверждается, кстати говоря, заметкой Ходасевича «К истории “Дней русской культуры”» (прил. к газ.: Возрождение, 1927. № 736 (8 июня)), где

¹⁴ См., например, сообщение о запланированном, но так и не состоявшемся выступлении Ф. Сологуба: «В программе вечера и на афише, наряду с выступавшими, значилось выступление Сологуба (тема не названа). В той же афише на 14 февраля была объявлена его речь “Смерть Пушкина и русская интеллигенция” (текст не известен). Сологубу не довелось присутствовать на собрании, в начале февраля он и Чеботаревская находились в Москве в ожидании выдачи долгожданных загранпаспортов. 10 февраля они получили телеграмму, что во время их отъезда квартира была ограблена, и поспешили вернуться в Петроград» [26, с. 98].

освещается замысел проведения ежегодного всероссийского чествования памяти Пушкина, инициированный членами петербургского Дома литераторов в конце 1920 г. «Был составлен организационный комитет, — пишет Ходасевич, — в который вошли, между прочим, А.А. Ахматова. А.А. Блок, Н.С. Гумилев, Н.А. Котляревский, М.А. Кузмин, П.Е. Щеголев и пишущий эти строки. От Дома литераторов в комитете приняли участие Н.М. Волковыский, В.Я. Ирецкий и Б.О. Харитон, в особенности потрудившиеся для организации чествования. (Осенью 1922 г. все трое были высланы советским правительством за границу, а Дом литераторов закрыт)». Как член оргкомитета Ходасевич, надо думать, принимал участие в разработке программы или по крайней мере был осведомлен о ней. Только его сопричастностью к организации Пушкинских дней можно объяснить тот факт, что он описывает празднества в феврале 1921 г. практически в том же порядке, что и в официальном отчете в «Вестнике литературы», но давая другую нумерацию вечеров. Так, он указывает 11 февраля как день проведения торжественного заседания, «на котором с речами выступили А.Ф. Кони, Н.А. Котляревский и А.А. Блок. М.А. Кузмин прочитал свои стихи». 13 февраля — «второй пушкинский вечер, с речами А.А. Блока. В.Ф. Ходасевича и Б.М. Эйхенбаума». 14 февраля — «третий вечер, с докладом на тему “Пушкин и музыка” и рядом музыкальных номеров. Четвертый вечер, в виду наплыва публики, состоялся в одной из аудиторий Санкт-Петербургского университета. Участвовали: А.А. Блок, М.А. Кузмин, Ф.К. Сологуб, В.Ф. Ходасевич и Б.М. Эйхенбаум». Комментаторы «Колеблемого треножника» в собрания сочинений Ходасевича уже установили, что в заметке «К истории “Дней русской культуры”» хроника пушкинских дней 1921 г. не точна: Ходасевич впервые выступил 14-го, «ошибочно датируя здесь свою речь 13 февраля» [27, т. 2, с. 476]¹⁵, как и неназванный автор обзорной статьи «Пушкинские дни в Доме Литераторов», добавим к этому мы.

Итак, выяснив точные даты выступления Блока с речью «О назначении поэта» — 11, 14 и 26 февраля 1921 г., мы обнаружили три наиболее вероятных источника, спровоцировавших дальнейшее искажение фактов в литературоведческих исследованиях. Это дневниковая запись Чуковского, отчет о Пушкинских днях в журнале

¹⁵ В фонде Дома литераторов сохранилась авторизованная наборная машинопись речи «Колеблемый треножник», предназначенная для публикации в «Вестнике литературы», с авторской правкой и вписанным рукой Ходасевича подзаголовком со знаком примечания (звездочкой): «(Речь на вечере, посвященном памяти Пушкина, в Петербурге, в Доме литераторов, 14 февраля 1921 г.)» (ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 112); копия текста отложилась в архиве И.И. Ивичи-Бернштейна [28, с. 407].

«Вестник литературы» и поздняя заметка Ходасевича — источники, пользующиеся почти непоколебимым доверием современных исследователей. Между тем — при ответе на заглавный вопрос: откуда 13-е в хронологии выступлений Блока с речью о Пушкине — оказывается, что в них-то все и дело. В дальнейшем фантомная, мифическая (в худшем смысле этого слова) дата проникла в научные работы и даже заняла в некоторых из них привилегированное положение. *Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.*

Литература

1. *Бекетова М.А.* Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.; М.: Петроград, 1925. 183 с.
2. *Блок А.* Собр. соч.: в 9 т. Берлин: Алконост, 1923. Т. 7. 346 с.
3. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1936. Т. 8. 273 с.
4. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. 557 с.
5. *Блок А.* Собр. соч.: в 6 т. / сост. Вл. Орлова; примеч. Б.В. Аверина. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 464 с.
6. *Богомолов Н., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.
7. *Голлербах Э.* Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски // Возрождение: литературно-художественный и научно-популярный альманах. М.: Время, 1923. Т. 2. С. 287–296.
8. *Гришунин А.Л.* Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М.: Наследие, 1996. Вып. III. С. 269–290.
9. *Иванова Е.В.* Пушкинская речь Блока: к Пушкину через Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 123–131.
10. *Климишин И.А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1990. 480 с.
11. *Кузмин М.* Дневник 1921 года / публ. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 12. С. 423–494.
12. *Лекманов О.*¹⁶ Пушкинская речь Блока: контекст и подтексты // *Лекманов О.* Самое главное: О русской литературе XX века. М.: Rosebud Publishing, 2017. С. 142–157.
13. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. 704 с.
14. Литературное наследие. М.: Наука, 1980–1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн.

¹⁶ Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 №255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным контролем» 25 октября 2024 года включен в Реестр иностранных агентов в России.

15. *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.
16. *Мицц З.Г.* Блок и Пушкин // *Мицц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 145–260.
17. *Мочульский К.* Александр Блок. Париж: YMCA-Press, 1948. 443 с.
18. *Одоевцева И.В.* Избранное. Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Согласие, 1998. 960 с.
19. *Оношковиц-Яцына А.И.* Дневник 1919–1927 / публ. Н.К. Телетовой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 13. С. 355–456.
20. *Парнис А.* «Зачем так опрометчиво я взял твою тетрадь?..» Блок, Маяковский и другие в парижском альбоме. Очерк первый // Опыты: журнал эссеистики, публикаций, хроники. 1994. № 1. С. 149–176.
21. Письма В.Ф. Ходасевича к В.Г. Лидину (1917–1924) / публ. И. Андреевой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 14. С. 414–438.
22. Пушкин. Достоевский. Пг.: Изд. Дома Литераторов, 1921. 149 с.
23. Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. 320 с.
24. *Спивак М.Л.* Записи А.А. Блока 1921 года об «Алконосте» и «закрытии всех частных издательств»: причуды текстологии, контекст, прагматика // Русская литература. 2022. № 2. С. 197–216. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216.
25. *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–112.
26. Ф.К. Сологуб в дневнике Е.П. Казанович / подгот. текста А.В. Вострикова; вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой при участии А.В. Вострикова // Русская литература. 2023. № 4. С. 90–110.
27. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
28. *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1999. Т. 1: Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг. 492 р.
29. *Чуковский К.И.* Дневник (1901–1929). М.: Сов. писатель, 1991. 544 с.
30. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.
31. Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. 584 с.
32. *Шагинян М.* Человек и время: История человеческого становления. М.: Сов. писатель, 1982. 560 с.

Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech "On the Destiny of a Poet")

© 2025. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the question of the exact chronology of Alexander Blok's three famous speeches, "On the Destiny of a Poet," in February 1921. In the memoirs of contemporaries and in the scientific literature there the dating of these events is still controversial (10, 11, 13, 14, 16, or 26 February), as well as their number (3 or 4). On the basis of comparative analysis of various testimonies (in posthumous collections of Blok's works, in diaries, letters, memoirs of contemporaries), the article establishes the exact dates of the speech, and identifies three most likely sources that provoked the distortion of facts in further scientific research. According to the hypothesis put forward, they include the diary entry by K.I. Chukovsky, the official report on the Pushkin Days in the journal *Vestnik Literatury*, and V.F. Khodasevich's article "To the History of 'The Days of Russian Culture'."

Keywords: Blok, speech "On the Destiny of a Poet," the Pushkin Days, journal report, memoirs, diaries, Chukovsky, Khodasevich, chronology.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech 'On the Destiny of a Poet')." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 223–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245>

References

1. Beketova, M.A. *Aleksandr Blok i ego mat'. Vospominaniia i zametki* [Alexander Blok and His Mother. Memories and Notes]. Leningrad, Moscow, Petrograd Publ., 1925. 183 p. (In Russ.)
2. Blok, A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.], vol. 7. Berlin, Alkonost Publ., 1923. 346 p. (In Russ.)
3. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.], vol. 8. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1936. 273 p. (In Russ.)
4. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], vol. 6, ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov and K.I. Chukovsky. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1962. 557 p. (In Russ.)
5. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.], vol. 4, comp. by V.I. Orlov, notes by B.V. Averin. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 464 p. (In Russ.)

6. Bogomolov, N., and Dzh. Malmstad. *Mikhail Kuzmin: Iskusstvo, zhizn', epokha* [*Mikhail Kuzmin: Art, Life, Epoch*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2007. 560 p. (In Russ.)
7. Gollerbakh, E. "Obraz Bloka. Vospominaniia, vpechatleniia, nabroski" ["Blok's Image. Memories, Impressions, Sketches"]. *Vozrozhdenie: literaturno-khudozhestvennyi i nauchopopuliarnyi al'manakh* [Revival. Literary-Artistic and Popular Science Almanac], vol. 2. Moscow, Vremia Publ., 1923, pp. 287–296. (In Russ.)
8. Grishunin, A.L. "Problemy datirovki proizvedenii Pushkina" ["Problems of Dating Pushkin's Works"]. *Moskovskii Pushkinist* [*The Moscow Pushkinist*], issue 3. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 269–290. (In Russ.)
9. Ivanova, E.V. "Pushkinskaia rech' Bloka: k Pushkinu cherez Dostoevskogo" ["Blok's Pushkin Speech: Toward Pushkin Through Dostoevsky"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Studies*], vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 123–131. (In Russ.)
10. Klimishin, I.A. *Kalendar' i khronologiia* [*Calendar and Chronology*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
11. Kuzmin, M. "Dnevnik 1921 goda" ["Diary of 1921"], publ. by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 423–494. (In Russ.)
12. Lekmanov, O. "Pushkinskaia rech' Bloka: kontekst i podteksty" ["Blok's Pushkin Speech: Context and Subtexts"]. Lekmanov, O. *Samoe glavnoe: O russkoi literature XX veka* [*The Most Important Things: On Russian Literature of the 20th Century*]. Moscow, Rosebud Publ., 2017, pp. 142–157. (In Russ.)
13. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews from Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 2: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 704 p. (In Russ.)
14. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok. Nove materialy i issledovaniia: v 5 kn. [Alexander Blok. New Materials and Studies: in 5 books]. Moscow, Nauka Publ., 1980–1993. (In Russ.)
15. Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve A. Bloka* [*Autobiographical Myth in A. Blok's Creative Work*]. Moscow, Martin Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)
16. Mints, Z.G. "Blok i Pushkin" ["Blok and Pushkin"]. Mints, Z.G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [*Alexander Blok and Russian Writers*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000, pp. 145–260. (In Russ.)
17. Mochul'skii, K. *Aleksandr Blok* [*Aleksander Blok*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1948. 443 p. (In Russ.)
18. Odoevtseva, I.V. *Izbrannoe. Stikhotvoreniia. Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [*Selected. Poems. On the Banks of the Neva. On the Banks of the Seine*]. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 960 p. (In Russ.)
19. Onoshkovich-Iatsyna, A.I. "Dnevnik 1919–1927" ["Diary. 1919–1927"], publ. by N.K. Teletova. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*], issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 355–456. (In Russ.)
20. Parnis, A. "Zachem tak oprometchivo ia vzial tvoiu tetrad'?. ' Blok, Maiakovskii i drugie v parizhskom al'bome. Ocherk pervyi" ["Why Did I Take Your

Notebook so Recklessly?..’ Blok, Mayakovsky and Others in a Parisian Album. Essay One”]. *Opyty. Zhurnal esseistiki, publikatsii, khroniki*, no. 1, 1994, pp. 149–176. (In Russ.)

21. “Pis’ma V.F. Khodasevicha k V.G. Lidinu (1917–1924)” [“V.F. Khodasevich’s Letters to V.G. Lydyn (1917–1924)”], publ. by I. Andreeva. *Minuvshee: Istoricheskii al’manakh [The Past: A Historical Almanac]*, issue 14. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 414–438. (In Russ.)

22. *Pushkin. Dostoevskii [Pushkin. Dostoevsky]*. Petrograd, Izdanie Doma Literatorov Publ., 1921. 149 p. (In Russ.)

23. *Pushkinskii Dom: Stat’i. Dokumenty. Bibliografiia [Pushkin House: Articles. Documents. Bibliography]*. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 320 p. (In Russ.)

24. Spivak, M.L. “Zapisi A.A. Bloka 1921 goda ob ‘Alkonoste’ i ‘zakrytii vsehkh chastnykh izdatel’stv’: prichudy tekstologii, kontekst, pragmatika” [“A.A. Blok’s 1921 Writings About ‘Alkonost’ and the ‘Closure of All Private Publishing Houses’: Quirks of Textuality, Context, Pragmatics”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 197–216. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216. (In Russ.)

25. Ustinov, A., and V. Sazhin. “Ozhog. K istorii nevyshedshei Literaturnoi gazety’ 1921 goda” [“Burn. To the History of the Unreleased ‘Literaturnaya Gazeta’ in 1921”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1991, pp. 95–112. (In Russ.)

26. “F.K. Sologub v dnevnike E.P. Kazanovich” [“F.K. Sologub in the Diary of E.P. Kazanovich”], text prep. by A.V. Vostrikov, introd. article and comm. by M.M. Pavlova with the participation of A.V. Vostrikov. *Russkaia literatura*, no. 4, 2023, pp. 90–110. (In Russ.)

27. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works: in 4 vols.]*. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997. (In Russ.)

28. Khodasevich, V. *Pushkin i poety ego vremeni: v 3 t. [Pushkin and the Poets of His Time: in 3 vols.]*, ed. by R. Hughes, vol. 1: Stat’i, retsenzii, zametki 1913–1924 gg. [Articles, Reviews, Notes of 1913–1924]. Oakland, Berkeley Slavic Specialties Publ., 1999. 492 p. (In Russ.)

29. Chukovskii, K.I. *Dnevnik (1901–1929) [The Diary (1901–1929)]*. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1991. 544 p. (In Russ.)

30. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

31. *Chukokkala: rukopisnyi al’manakh Korneia Chukovskogo [Chukokkala: Kornei Chukovsky’s Manuscript Almanac]*. Moscow, Russkii put’ Publ., 2006. 584 p. (In Russ.)

32. Shaginian, M. *Chelovek i vremia: Istoriia chelovecheskogo stanovleniia [Man and Time: A History of Human Formation]*. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1982. 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.11.2024
Одобрена после рецензирования: 20.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 04.11.2024
Approved after reviewing: 20.12.2024
Date of publication: 25.03.2025